

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

ПРЕЗИДЕНТ,
КОТОРЫЙ СПАС
СТРАНУ И ИЗМЕНИЛ
ЕЁ НАВСЕГДА.

ИИ

Александра Белоярская

Александра Белоярская

**Лица науки: судьбы
людей, изменивших наше
представление о мире**

«Автор»

2026

Белоярская А.

Лица науки: судьбы людей, изменивших наше представление о мире / А. Белоярская — «Автор», 2026

Может ли один президент удержать страну от распада — и изменить её навсегда, не успев завершить начатое? Победа Авраама Линкольна в 1860 году стала для одних надеждой, для других — поводом к расколу. Война поставила президента перед мучительным выбором: как сохранить Союз и превратить освобождение рабов в официальную цель борьбы? От бедного детства и самообразования до Белого дома — путь Линкольна проходит на фоне раскола и войны. Почему рабство стало сердцевиной кризиса? Что изменили Прокламация об освобождении и Геттисбергская речь — и чего они не могли гарантировать? Переизбрание, убийство президента, незавершённая Реконструкция — история спасённого Союза и равенства, оставшегося обещанием. Для читателей, которым важны не только даты, но и цена решений. История Линкольна показывает: спасти страну — ещё не значит исполнить её обещание равенства. Книга создана с помощью ИИ.
Обложка: GPT Image - Лицензия

© Белоярская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Америка накануне раскола: страна, которую предстояло сохранить	6
Детство на фронтире: бедность, самообразование и первые испытания	11
Молодой юрист и политик: как формировался характер Линкольна	15
Семья, вера и личные утраты: человек за пределами публичного образа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александра Белоярская
Лица науки: судьбы людей, изменивших
наше представление о мире

Авраам Линкольн: Президент, который спас страну и изменил её навсегда
Александра Белоярская

Америка накануне раскола: страна, которую предстояло сохранить

Осенью 1859 года на карте Соединённых Штатов можно было увидеть страну, которая быстро росла и всё меньше понимала, куда ей расти дальше. На востоке дым шёл над заводскими трубами, по железным дорогам прибывали товары и люди, порты связывали американские города с миром. На Юге хлопковые поля тянулись к рекам и пристаням: урожай отправлялся на экспорт, а сама работа на плантациях держалась на принуждении миллионов людей. За Миссисипи открывались новые территории — просторные, ещё не ставшие штатами и потому особенно важные для политики.

На карте границы выглядели ясными. Неясным было другое: кто решит, что станет с этими землями и с рабством, когда они превратятся в штаты? Америка называла себя единым государством, но спорила о том, кто вправе определять его будущее. Через год Авраам Линкольн будет избран президентом, и спор о карте превратится в спор о существовании Союза. Но кризис начался задолго до его победы. Чтобы понять задачу, которую ему предстояло решить, нужно увидеть не один раскол, а целую систему противоречий, накапливавшихся десятилетиями.

Одна страна — разные повседневности

Север и Юг отличались не только климатом и способом хозяйства. Их экономики были устроены по-разному, хотя и тесно переплетались. На Севере росли города и промышленность, действовали мастерские, фабрики, торговые дома и железнодорожные компании. Большинство жителей не работали на фабриках: многие жили на фермах, а в городах трудились наёмные рабочие, ремесленники, портовые грузчики, продавцы. Иммиграция увеличивала население и усиливала конкуренцию за работу. Быстрые перемены приносили возможности, но не обещали равной доли успеха каждому.

Важно не превращать Север в единую армию противников рабства. Одни северяне выступали за его немедленную отмену и рисковали ради этого карьерой, безопасностью и общественным положением. Другие, в том числе сторонники новой Республиканской партии, считали главной задачей не допустить распространения рабства на запад. Они могли возражать против власти рабовладельческих элит, но не выступать за полное равенство белых и чернокожих. Многие белые северяне придерживались расистских взглядов; в свободных штатах существовали дискриминация и ограничения прав чернокожих. Свободный штат не означал общество без расового угнетения.

Фредерик Дуглас, родившийся в рабстве и сумевший бежать, стал одним из самых влиятельных аболиционистов страны. В Рочестере он издавал газету *The North Star*, выступая не только против рабства, но и против предрассудков, ограничивавших жизнь свободных чернокожих. Его существование опровергало удобное представление, будто свобода сама собой приносит равноправие. Для многих северян борьба за права чернокожих шла значительно дальше, чем их собственная готовность эту борьбу поддержать.

На Юге главным источником богатства были сельское хозяйство и экспортные культуры: хлопок, табак, рис, сахарный тростник. К 1860 году хлопок обеспечивал около трёх пятых стоимости американского экспорта. Его выращивание и переработка связывали плантации, порты, торговцев, банки и текстильные фабрики — в том числе северные. Выгоду от рабовладельческой экономики получали не только владельцы плантаций, хотя именно они обладали наибольшей властью. Рабство было не частной привычкой нескольких богатых семейств, а основой хозяйственного порядка и общественной иерархии.

При этом Юг не состоял из одних плантаторов. Многие белые семьи не владели порабощёнными людьми; одни обрабатывали собственные небольшие участки, другие жили бедно. Но система влияла и на их положение: расовые привилегии давали белому человеку особый статус даже там, где он не обладал богатством и властью. Миллионы же чернокожих людей были лишены свободы законом и насилием. По переписи 1860 года в стране проживало около 31,4 миллиона человек, почти 4 миллиона из них были порабощены.

Эту цифру нельзя воспринимать как сухую статистику. За ней стояли принудительный труд, разлучение семей, запрет на свободное передвижение и постоянная угроза продажи. Харриет Джейкобс, родившаяся в рабстве в Северной Каролине и бежавшая на свободу, позднее описала пережитое в книге *«Случаи из жизни рабыни»*. Её свидетельство, опубликованное в 1861 году, показывает, что рабство определяло не только труд, но и тело, семейную жизнь и чувство безопасности человека. Политическая карта могла обозначить штат как рабовладельческий, но не могла вместить человеческую цену такого обозначения.

Карта как поле борьбы

Чтобы читать карту накануне раскола, полезно смотреть на неё сразу в нескольких слоях. Вот что на ней можно было бы отметить:

Слой карты

Что видно

Какой вопрос скрывается за границами

Свободные штаты

Промышленные города, фермы, порты и растущая железнодорожная сеть

Ограничится ли рабство территориями, где оно уже существует, или сможет расширяться дальше?

Рабовладельческие штаты

Плантационные районы, хлопковые порты, речные маршруты и центры торговли

Получит ли рабовладельческий порядок защиту федеральной власти и новых штатов?

Западные территории

Земли, ещё не принятые в Союз как штаты, включая Канзас и Небраску

Кто определит их будущее: федеральный Конгресс или поселенцы на месте?

Транспортные пути

Плотные железнодорожные связи Севера, реки и железные дороги Юга

Какие регионы смогут перевозить товары, связывать рынки и влиять на политику?

Сравнение транспортных сетей тоже многое объясняет, но не всё. К 1860 году на Севере было примерно 22 тысячи миль железных дорог, на Юге — около 9 тысяч. Северные линии плотнее соединяли города и промышленные районы. На Юге перевозки во многом опирались также на реки и порты; железнодорожные маршруты были менее связными. Это различие позднее окажется важным для войны, но в предвоенные годы карта транспорта была прежде всего картой экономических интересов. Она показывала, насколько разные части страны зависели друг от друга — и как много они спорили о правилах этой зависимости.

Компромиссы, которые отодвигали кризис

Противоречие присутствовало в американской политике с момента основания государства. Конституция 1787 года создала сильное, но ограниченное федеральное правительство и сохранила значительную власть штатов. При этом она учитывала рабство, не называя его

прямо: число порабощённых людей учитывалось при распределении мест в Конгрессе по правилу «трёх пятых»; работорговлю из-за границы федеральный Конгресс не мог запретить до 1808 года; существовало требование возвращать беглых порабощённых людей. Иными словами, рабство не оставили исключительно внутренним делом отдельных штатов. Оно было встроено и в устройство федеральной власти.

Одновременно Северо-западный ордонанс 1787 года запретил рабство на территории к северо-западу от реки Огайо. Уже ранняя история Союза показывала две возможности: ограничивать рабство на новых землях или сохранять пространство для его расширения. Пока страна была меньше, политические деятели могли надеяться удерживать противоречие в границах компромисса. Но каждое расширение снова открывало спор: сколько будет свободных штатов, сколько — рабовладельческих и кто получит большинство в Сенате, где каждый штат имел по два голоса?

В 1820 году Миссурийский компромисс сохранил баланс: Миссури приняли рабовладельческим штатом, Мэн — свободным. Для оставшейся части Луизианской покупки установили условную границу на широте 36°30': севернее рабство запрещалось, за исключением Миссури. Это не решало вопроса о справедливости рабства. Оно устанавливало правило, позволяющее политическим соперникам временно продолжать жить с неразрешённым спором.

Новый виток расширения пришёлся на 1840-е годы. Присоединение Техаса и война с Мексикой добавили стране обширные земли. Теперь вопрос возникал снова: разрешить ли рабство на этих территориях? Компромисс 1850 года принял Калифорнию в Союз как свободный штат, но оставил вопрос о рабстве в Юте и Нью-Мексико будущему решению поселенцев. Одновременно Конгресс принял более строгий Закон о беглых рабах, требовавший участия федеральных властей в поимке и возвращении беглецов. Для многих северян это сделало рабство не далёким явлением Юга, а делом, которое федеральный закон заставлял их поддерживать и в собственных городах. Компромисс снижал напряжение на бумаге, но переносил его в повседневную жизнь.

Когда старые правила перестают работать

В 1854 году закон Канзас—Небраска фактически отменил прежнее ограничение, связанное с Миссурийским компромиссом. Судьбу рабства на новых территориях, согласно принципу «народного суверенитета», должны были определить поселенцы. На практике вопрос о том, кто именно поселится, кто организует голосование и кто будет считать законными его результаты, сам стал источником насилия. В Канзас хлынули сторонники обеих сторон; столкновения и убийства принесли ему название «Кровавый Канзас».

Политические партии, которые раньше могли удерживать в одном союзе сторонников разных регионов, стали распадаться. Партия вигов ослабла и практически исчезла. В 1854 году возникла Республиканская партия, объединившая противников распространения рабства на новые территории. Это не было партией, члены которой одинаково понимали свободу или поддерживали расовое равноправие. Но её рост означал, что прежний компромисс между Севером и Югом больше не обеспечивал устойчивого общего языка.

В 1857 году Верховный суд США вынес решение по делу Дреда Скотта. Суд постановил, что чернокожие люди не могут считаться гражданами США в том смысле, который судьи приписали Конституции, и что Конгресс не вправе запрещать рабство на территориях. Многие северяне увидели в решении опасность: если оно верно, рабство могло получить защиту даже там, где его пытались ограничить. Для сторонников рабства постановление, напротив, стало подтверждением их притязаний. Судебное решение, призванное положить конец спору, расширило его.

В газетах того времени новости превращались в карту тревог. Если свести разные издания к короткой ленте событий — не выдавая её за буквальные газетные цитаты, — она могла бы выглядеть так:

- Закон Канзас—Небраска открывает новые земли для борьбы за рабство.
- Верховный суд рассматривает дело Дреда Скотта.
- Джон Браун казнён после нападения на Харперс-Ферри.
- Авраам Линкольн избран президентом.

За такими строками стояли разные представления о происходящем. Газеты вроде *New-York Tribune*, *Richmond Enquirer* и *Charleston Mercury* обращались к читателям из разных политических миров. Одно и то же событие могло выглядеть для одних угрозой рабовладельческой власти, для других — нападением на права штатов, а для третьих — возможностью наконец освободить поработщённых людей.

Линкольн, выступая в 1858 году, заявил, что «дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Он говорил не о мгновенном равноправии: его тогдашняя политическая позиция заключалась прежде всего в том, что рабство не должно распространяться на новые территории. Но он распознал принципиальную опасность: страна не могла бесконечно жить по двум несовместимым правилам, будто они никогда не встретятся.

Нападение Джона Брауна на федеральный арсенал в Харперс-Ферри в 1859 году усилило страхи и ярость. Браун надеялся вызвать восстание поработщённых людей; его отряд потерпел поражение, а самого его казнили. Многие северяне не поддерживали его насильственный метод, хотя некоторые аболиционисты считали его символом сопротивления. На Юге нападение усилило опасения, что республиканцы и противники рабства намерены уничтожить существующий порядок. Отдельные решения людей — организаторов насилия, политиков, судей и избирателей — шаг за шагом сужали пространство для мирного соглашения. Но распад не был заранее написан на карте.

Практика чтения исторической карты

Возьмите карту США середины XIX века и попробуйте рассмотреть её в трёх шагах.

1. Отметьте свободные и рабовладельческие штаты, а отдельно — территории, ещё не получившие статус штата. Спросите себя: почему спор особенно обострялся именно там, где статус земель ещё можно было изменить?

2. Найдите железные дороги, крупные реки и порты. Проследите, как товары и люди связывали регионы. Не делайте вывода, что транспортная сеть сама по себе объясняет раскол: она показывает взаимозависимость, но не отменяет конфликта интересов.

3. Сравните карту с политическими событиями: Миссурийским компромиссом, законом Канзас—Небраска, решением по делу Дреда Скотта и выборами 1860 года. Спросите, какое решение расширяло доверие, а какое лишь откладывало спор до следующего голосования или следующего штата.

Это упражнение помогает увидеть важную разницу: границы — не причина сами по себе. Они становятся опасными, когда люди спорят о том, какую власть они защищают и чью свободу признают.

Страна перед выбором

На выборах 1860 года Линкольн победил, получив чуть меньше 40 процентов голосов избирателей. Он не получил ни одного голоса выборщиков в десяти южных штатах. Для его сторонников результат означал законное решение большинства; для многих южан — угрозу политического влияния и будущему рабству. Южная Каролина вышла из Союза в декабре. До инаугурации Линкольна за ней последовали ещё шесть штатов; вместе они образовали Конфедерацию. В документах о выходе рабство занимало центральное место. Поэтому сводить кризис только к отвлечённому спору о власти штатов — значит не замечать, ради чего эта власть оспаривалась.

Линкольн унаследует Союз, который называл себя единым, но не договорился о пределах рабства и о судьбе новых земель. Сохранить такую страну было задачей не просто военной и не только конституционной. В центре стоял вопрос о том, останется ли рабство защищён-

ным порядком, расширяющимся вместе с государством, или его рост остановят. Ответ на этот вопрос определял не только форму Союза, но и жизнь миллионов людей, чью свободу страна десятилетиями откладывала на потом.

Канун войны — это не миг, когда все дороги вдруг ведут к неизбежному. Это годы решений, в которых компромиссы покупали время, партии теряли общий язык, а новые территории превращались в испытание для всей политической системы. На одной карте помещались фабрики и плантации, железные дороги и реки, свободные штаты и земли с неопределённым будущим. Но карту нельзя было сохранить простой линией границы. Единство уже стало вопросом войны — и вопросом свободы.

Детство на фронтире: бедность, самообразование и первые испытания

На фронтире книга была не просто набором страниц. Её нужно было отыскать, выпросить или одолжить, уберечь от сырости и вернуть владельцу. Иногда один том проходил через несколько рук и становился событием в доме, где каждый день требовал прежде всего работы. Так выглядела одна из важнейших школ Авраама Линкольна: не здание с расписанием, а редкая возможность остановиться и прочесть.

Мы не знаем, при каком именно свете он раскрывал каждую из книг, и не должны превращать его детство в выдуманную сцену у очага. Но материальные условия известны достаточно хорошо. Бумаги и книг было мало, школьные занятия шли урывками, а хозяйству постоянно требовались рабочие руки. Чтобы понять будущего политика, важно увидеть не мальчика, заранее отмеченного судьбой, а ребёнка, который учился там, где обучение приходилось добывать.

Земля, которая не была пустой

Авраам Линкольн родился 12 февраля 1809 года в округе Хардин, штат Кентукки. Его родители, Томас и Нэнси Хэнкс Линкольн, жили небогато и зависели от хозяйства, которое требовало тяжёлого труда и не давало надёжной уверенности в завтрашнем дне. Семья сменила несколько мест: сначала жила у Синкинг-Спринг, затем перебралась к Ноб-Крик, а в 1816 году отправилась в Индиану.

Для поселенцев фронтир означал край расширения американского общества. Но это не была земля без людей и истории. Европейско-американское заселение шло через договоры, вытеснение и лишение коренных народов земель. Взрослея, Линкольн жил в мире, где возможности одних семей возникали внутри процесса, который отнимал возможности у других. Само по себе это ещё не объясняет будущих взглядов Авраама, но помогает не принимать фронтир за безобидную декорацию.

Жизнь фермерской семьи зависела от земли, урожая, погоды и того, удастся ли закрепить права на участок. Томас Линкольн искал более устойчивое хозяйство, а вместе с ним переезжал и сын. Дорога на запад не была приключенческим путешествием: это был способ начать заново, не имея гарантий, что новая попытка окажется удачнее предыдущей.

В Индиане семья поселилась у ручья Пиджен-Крик. Домашний труд не делился на «настоящую работу» взрослых и «занятия» детей: дети тоже помогали хозяйству. Нужно было носить воду, рубить и переносить дрова, работать на участке, заботиться о животных. Позднее Линкольн вспоминал, что был приучен к сельскому труду и занимался им до двадцати двух лет. В кампании 1860 года образ молодого человека, рубящего рельсы, превратился в политический символ. Но за символом стояла не легенда о богатырской силе, а обычная необходимость семьи: труд был не выбором, а условием жизни.

Усталость и обучение не исключали друг друга, но соревновались за одно и то же время. Мальчик мог хотеть читать, однако семейное дело не прекращалось ради его любознательности. Здесь важно избежать двух противоположных упрощений: бедность не делает человека автоматически мудрым, но и не сводит его способности к нулю. Она сужает выбор и заставляет искать возможности там, где они есть.

Школа короткими отрезками

Линкольн посещал несколько местных школ, однако занятия были нерегулярными. На фронтире школу могли открывать на короткий срок, если находился учитель и несколько семей соглашались оплачивать его работу. Учебные помещения и качество преподавания различались. Для ребёнка школа не обязательно была постоянной ступенью, по которой он год за годом

поднимался к следующему классу. Чаще это был короткий отрезок среди сезонов труда и переездов.

Сам Линкольн позднее написал, что «общая продолжительность всего моего обучения не достигла одного года». Это его ретроспективная оценка, а не точный подсчёт каждой недели в классе. Но главное в ней ясно: формальное образование было ограниченным и прерывистым. При этом он не был совсем лишён школы. Он учился читать, писать и считать, а затем продолжал образование вне класса — медленно, с большими перерывами и на доступных ему материалах.

В такой системе нельзя было рассчитывать, что учитель проведёт ученика по длинной, заранее составленной программе. Приходилось удерживать то, что удалось получить, и находить следующую возможность самому. Если школа давала основы, то повседневность проверяла их на прочность: нужно было читать, даже когда чтение не являлось обязанностью; писать — несмотря на нехватку удобных материалов; задавать вопросы — не ожидая, что рядом всегда найдётся человек с готовым ответом.

Семейные испытания сделали эту жизнь ещё сложнее. В октябре 1818 года умерла мать Линкольна, Нэнси. Ей было около тридцати четырёх лет, Аврааму — девять. Причиной называют «молочную болезнь», связанную с употреблением молока или мяса скота, который поедает ядовитое растение белый змеекорень. Для семьи это было не только горе, но и внезапная перемена в самом устройстве дома. Не следует приписывать мальчику мысли, которых мы не можем знать. Достаточно сказать, что после смерти матери его детство стало менее устойчивым.

В декабре 1819 года Томас женился на Саре Буш Джонстон, вдове с тремя детьми. Она переехала в Индиану и стала для Авраама мачехой. Позднейшие свидетельства описывают её как женщину, которая заботилась о нём и поддерживала его интерес к чтению. Она не могла отменить бедность, добавить семейному хозяйству лишние часы или заменить долгую школу. Но отношение взрослого к любознательности ребёнка имело значение: чтение не считалось пустой прихотью, которую нужно непременно подавить ради работы.

Томаса иногда изображают противником образования, а Сару — единственным источником поддержки. Такая схема слишком удобна. Семье требовались руки, и фермерский труд занимал большую часть жизни; это не делает отца карикатурным врагом знаний. Сара же могла поддержать интерес Авраама, но не совершила за него его работу. Образование возникло на пересечении семейных обстоятельств, чужой помощи и собственной настойчивости.

Книга, которую надо было добыть

В воспоминаниях о детстве Линкольна и в его поздних заметках фигурируют Библия, басни Эзопа, «Путешествие пилигрима», «Робинзон Крузо» и «Жизнь Вашингтона» Мейсона Локка Уимса. Это не опись домашней библиотеки и не обязательно полный перечень всех прочитанных книг. Скорее, это следы тех текстов, которые запомнились и оказались доступны в разных обстоятельствах.

Знаменитый рассказ связывает «Жизнь Вашингтона» с соседом по имени Джозайя Кроуфорд: будто бы Линкольн взял у него книгу, та намокла, и мальчик отработал её стоимость. Эта история много раз повторялась в биографиях, но подробности дошли через поздние рассказы, а не через безупречную запись того времени. Поэтому её не стоит выдавать за документально подтверждённую сцену. Однако она точно передаёт важную правду о чтении на фронтире: книга имела владельца, а доступ к ней зависел от доверия и отношений между людьми.

За каждым томом стояла маленькая цепочка возможностей: сосед, готовый дать книгу; взрослый, который не запрещает читать; свободное время между делами; свет, при котором можно разобрать строки; способность вернуть текст в память после того, как книгу придётся отдать. Самообразование было не волшебным подвигом одинокого гения. Оно зависело от связей, доступных ресурсов и оттого, что сам Линкольн снова и снова обращался к чтению.

Нехватка бумаги тоже задавала пределы. Поздние воспоминания рассказывают о том, что он упражнялся в письме на досках и других поверхностях, которые можно было использовать повторно; детали таких рассказов различаются. Надёжнее говорить не о каждом конкретном листе или дощечке, а об общей реальности: в хозяйстве не было бесконечного запаса школьных тетрадей. Любое упражнение требовало материала и времени. Книга же была предметом, который нужно было получить, прочесть и вернуть — но прочитанное могло остаться с читателем.

Так складывалась привычка не только узнавать слова, но и удерживать мысль. Прочитанная история давала примеры поступков и последствий; басня — возможность увидеть, как краткий рассказ строит вывод; Библия — язык и образы, хорошо знакомые многим людям его времени. Но нельзя представить, будто будущая ясность Линкольна уже целиком содержалась в этих книгах. Позднее на его речь повлияют и другие источники: юридическая практика, политические споры, публичные выступления, опыт поражений и переговоров. Детство дало начальный материал, а не готового оратора.

Полезный урок здесь не в том, что для развития достаточно «просто захотеть». Одного желания мало, если нет времени, доступа и поддержки. Но даже ограниченный ресурс можно использовать осмысленно.

Практика для читателя: одна книга — три шага

1. Читайте небольшими отрезками. Выберите главу или несколько страниц и заранее определите, когда вернётесь к тексту. Регулярность обычно продуктивнее редких длинных рывков.

2. Закройте книгу и восстановите главное. Запишите три мысли, которые удалось запомнить, и один вопрос, на который текст не ответил. Современные исследования обучения показывают, что попытка извлечь информацию из памяти помогает закреплению лучше, чем одно лишь повторное перечитывание.

3. Сформулируйте мысль своими словами. Объясните прочитанное за минуту или изложите его в одном коротком абзаце. Это проверяет не объём прочитанного, а то, насколько вы поняли связь между тезисом и доказательством.

Это упражнение не следует приписывать Линкольна как точный распорядок его занятий. Оно лишь переводит в современную практику принцип, который виден в его биографии: ограниченный доступ к знаниям не отменяет обучения, но требует возвращаться к тексту и работать с ним активно.

От детства к собственному выбору

У Линкольна была ещё одна важная семейная потеря. В 1828 году умерла его сестра Сара, жена Аарона Григсби. Ей было около двадцати лет. Семейная жизнь, в которой уже смерть матери изменила привычный порядок, снова столкнулась с утратой. Трагедию нельзя превращать в обязательное объяснение его поздней стойкости: горе не является уроком, который человек обязан усвоить и превратить в достоинство. Но оно было частью реального мира, где близкие могли исчезнуть не по чьему-то замыслу и не после долгого прощания.

В девятнадцать лет Линкольн отправился в плавание по Миссисипи на плоскодонке — коммерческую поездку, которая вывела его далеко за пределы знакомого хозяйства. Это был не мгновенный разрыв с прошлым, но расширение его опыта: он видел другие поселения, другие виды работы и масштаб страны, который прежде складывался главным образом из рассказов и книг.

В 1830 году семья переехала в Иллинойс. Линкольну был двадцать один год; вскоре он стал строить жизнь отдельно от семейного хозяйства. Этот переход не был прямой дорогой от бедности к славе. Скорее, он оказался порогом, за которым навыки, приобретённые в детстве, должны были встретиться с новыми задачами: заработком, собственными решениями, публичной речью и политикой. Там же начнётся следующий этап — жизнь молодого человека, который будет искать не только знания, но и место в обществе.

История его детства не доказывает, что лишения делают человека великим. Бедность может отнимать силы, закрывать двери и оставлять незаживающие раны. Линкольну помогли не одни личные качества: рядом были люди, готовые одолжить книгу или поддержать его интерес; существовали школы, пусть короткие и несовершенные; у него было время, пусть и выкраиваемое из труда. Его любознательность стала действенной не вместо этих условий, а вместе с ними.

Книга, которую нужно добыть и вернуть, остаётся точным образом этого взросления. Она была вещью, ограниченной в доступе, но открывала пространство, куда нельзя было попасть одним переездом. Линкольн постепенно научился превращать прочитанное в собственное знание, а затем — знание в ясную речь. Он не родился готовым президентом и не был обречён им стать. Он стал человеком, который привык учиться в обстоятельствах, где учиться было трудно.

Фронтир не сделал путь Линкольна лёгким и не предопределил его будущего. Бедность означала тяжёлый труд и ограниченные возможности, но даже среди этих обстоятельств он искал способы учиться: слушал, читал, запоминал и проверял свои мысли в разговоре. Так постепенно складывались привычки, которые впоследствии станут его опорой: терпение, самостоятельность и стремление выражать мысль ясно.

Детство не дало Линкольну готового ответа на вопрос, кем ему стать, — оно подготовило его к поиску. Впереди были новые испытания: право, политика и столкновения с людьми и идеями, которые требовали не только ума, но и твёрдости характера. Именно в этих обстоятельствах привычка учиться и убеждать начала превращаться в профессиональное призвание.

Молодой юрист и политик: как формировался характер Линкольна

На окружной суд в маленьком городе Иллинойса адвокат мог приехать раньше рассвета, уставший от дороги и в дорожной пыли. Вокруг — фермеры, торговцы, свидетели, присяжные, люди, для которых спор о долге или клочке земли был не отвлечённой юридической задачей, а вопросом, чем кормить семью и кому принадлежит дом. Адвокату предстояло быстро разобраться в деле, понять, кому в зале можно верить, и объяснить свою позицию так, чтобы её слышали люди без юридического образования.

Это не запись об одном конкретном дне Авраама Линкольна: такой день был бы реконструкцией из множества похожих. Но именно так выглядела значительная часть его профессиональной жизни — не как непрерывный триумф в столичных залах, а как череда поездок, разговоров и разбирательств, где доверие приходилось завоёвывать снова и снова. Линкольн пришёл в политику без богатого семейного имени и влиятельных покровителей. Его главным капиталом стали навыки, которые он нарабатывал годами.

Репутация начинается с повседневной работы

Нью-Сейлем, куда Линкольн перебрался в 1831 году, был небольшим поселением на границе растущего штата. Здесь не существовало большого политического аппарата, который сам по себе обеспечивал бы человеку известность. Влияние складывалось из повседневных контактов: кто помнил, что ты выполнил обещание; кто видел, как ты обращаешься с соседями; кто знал, что к тебе можно обратиться с вопросом и получить понятный ответ.

Линкольн пробовал разные занятия. Работал в магазине, а затем стал его совладельцем. Партнёрство не принесло успеха: торговля пошла плохо, долги остались. Он служил почтмейстером — должность небольшая, но она давала возможность регулярно общаться с жителями. Почта была не только способом передать письма: вокруг неё сходились новости, ожидания и местные споры. Линкольн также работал землемером, освоив необходимые расчёты и практические приёмы у опытного специалиста. Это занятие требовало точности: ошибка в измерении могла превратиться в конфликт из-за границы участка.

Ни магазин, ни почта, ни землемерная работа не были ступеньками заранее составленного плана. Важно другое: каждое занятие учило его понимать людей и их заботы. Почтмейстер узнавал, что волнует соседей. Землемер видел, как абстрактное право собственности упирается в изгородь, ручей или спорное межевание. Торговец на собственном опыте понимал, что добрых намерений недостаточно, если расчёты не сходятся.

В 1832 году Линкольн впервые баллотировался в законодательное собрание Иллинойса и проиграл. В том же году он участвовал в войне с группой индейцев сауков и фоксов, известной как война Чёрного Ястреба. Сослуживцы избрали его капитаном добровольческой роты. Это был знак доверия внутри небольшого коллектива, но не история о военном герое: Линкольн не участвовал в крупных сражениях. Зато он увидел, как люди выбирают руководителя не по торжественным обещаниям, а по тому, как тот держится рядом с ними.

Поражение на выборах не закрыло ему путь. Оно показало, что известности и личного обаяния недостаточно: нужно знать, чего хочет избиратель, уметь объяснить свою программу и снова появляться перед людьми после неудачи. В политике это особенно важно. Проигрыш виден всем; способность вернуться — тоже.

Право как ремесло, а не врождённый дар

Линкольн изучал право самостоятельно. Он читал юридические книги, в том числе труды Уильяма Блэкстоуна, и разбирался в них не в университетской аудитории, а в свободное от работы время. Такой путь требовал дисциплины: не просто пролистывать страницу, а возвра-

щаться к трудному месту, выяснять значение понятия, проверять, как один принцип связан с другим. В 1836 году Линкольн получил право практиковать, а вскоре стал работать в партнёрстве с юристом Джоном Тоддом Стюартом.

Важно не превращать эту историю в сказку о человеке, которому достаточно было однажды открыть книгу, чтобы стать гением. Право складывалось для него из учёбы, работы под руководством более опытных коллег и множества реальных дел. Позднее его партнёрами были Стивен Логан, а затем Уильям Херндон. Линкольн не сразу стал мастером любой судебной ситуации. Он осваивал профессию в среде, где репутация зависела от того, насколько тщательно ты подготовился и способен ли признать пределы своих знаний.

В округе юристу приходилось заниматься делами разного масштаба: долгами, договорами, наследством, границами владений, повреждением имущества, иногда уголовными обвинениями. Это не означало, что он каждый день произносил речь перед присяжными. Многие споры решались иначе, и не всякое дело доходило до суда. Но когда оно доходило, адвокату нужно было одновременно удерживать в голове факты, документы, правила и характеры участников.

Типичный день на выездном судебном процессе можно представить в нескольких этапах:

1. До поездки — подготовить факты. Адвокат перечитывает документы, выясняет, где версии сторон расходятся, и определяет, чего ещё не хватает. Хорошая речь не заменит отсутствующего свидетельства.

2. В дороге — продумать дело. Судебные заседания проходили в разных городах, и юристам приходилось много ездить. Путь был не досадным промежутком между «настоящими» событиями, а частью профессии: обсуждения, встречи и проверка своих доводов происходили и вне зала суда.

3. Перед слушанием — выслушать клиента и свидетелей. Клиент рассказывает не всегда последовательно, а свидетель может быть испуган, пристрастен или просто ошибаться. Нужно отделить то, что человек пережил, от того, что он предполагает.

4. В суде — связать факты в понятную картину. Адвокат обращается не только к судье, но в подходящем деле и к присяжным. Если слушатели теряют нить рассуждения, безупречно звучащий юридический язык бесполезен.

5. После решения — оценить работу честно. Победа не означает, что вся подготовка была идеальной, а поражение не всегда доказывает ошибку. Важно понять, что зависело от адвоката и что можно сделать лучше в следующий раз.

Это обобщённый маршрут, а не дневник одного заседания. Он помогает увидеть главное: убедительность Линкольна росла не только из таланта говорить. Сначала нужно было понять спор, затем выстроить доводы и лишь потом выбрать слова.

Простая речь — результат сложной подготовки

Линкольн умел говорить ясным языком, но простота его речи не означала простоты мышления. Напротив, чтобы коротко объяснить сложный вопрос, часто приходится сначала проделать большую внутреннюю работу: отбросить второстепенное, увидеть слабое место аргумента, предугадать возражение. Юрист, который говорит слишком сложно, иногда прячет за терминами неуверенность; юрист, который умеет объяснить суть, показывает, что владеет материалом.

В его общении важную роль играли рассказы и юмор. История могла снять напряжение, помочь запомнить мысль или показать нелепость довода без длинного нравоучения. Но юмор не был волшебным ключом ко всякой аудитории. Уместная шутка делает собеседника внимательнее; неуместная заставляет его усомниться в серьёзности говорящего. К тому же многие воспоминания о выступлениях Линкольна записывались позднее, поэтому отдельные эффектные истории могли обрастать подробностями. Надёжнее говорить не о чудесной способности всегда очаровывать зал, а о регулярно применявшемся инструменте общения.

Здесь важен практический принцип: аудитории легче удержать конкретный пример, чем длинное абстрактное рассуждение, особенно если речь идёт о вопросе, который нужно оценить быстро. Линкольн работал с людьми, которым не требовалось знать юридические термины. Им нужно было понять, что произошло, почему именно этот факт важен и к какому выводу он ведёт. Он переводил дело с языка документов на язык человеческого опыта.

Упражнение для читателя. Возьмите спор, который вам предстоит объяснить: рабочее решение, семейный конфликт или предложение на совещании. Сформулируйте его в пяти пунктах: в чём вопрос; какие факты известны; какой факт можно проверить; что, вероятнее всего, возразит собеседник; о чём именно вы просите. Затем объясните тот же вопрос человеку, который не знает профессиональных терминов. Если объяснение распадается, возможно, вы ещё не разобрались в самом деле.

Местная политика: не сцена, а сеть обязанностей

Политика в Иллинойсе 1830-х годов часто начиналась не с громких национальных споров, а с вопросов, которые люди обсуждали в округе: дороги, школы, налоги, банки, развитие торговли, устройство государственных учреждений. Для политика было важно одновременно понимать местные интересы и собирать поддержку за пределами своего ближайшего круга.

В 1834 году Линкольн был избран в законодательное собрание штата; впоследствии он переизбирался и провёл там четыре срока, с перерывами в рамках общей службы до 1842 года. Он принадлежал к партии вигов, выступавшей, среди прочего, за развитие инфраструктуры и более активную роль государства в экономическом росте. В 1838 и 1840 годах Линкольн занимал пост спикера Палаты представителей Иллинойса. Это были важные должности, но не доказательство, что он уже стал политиком национального масштаба. Они давали практический опыт: работать с повесткой, слушать оппонентов, находить союзников, понимать, когда полезнее настоять на своём, а когда — договориться.

Один из показательных эпизодов связан с переносом столицы штата из Вандалии в Спрингфилд в 1837 году. Линкольн и другие депутаты от округа Сангамон объединили усилия, чтобы добиться решения в пользу своего города. Из-за высокого роста группы её прозвали «Длинной девяткой». За прозвищем стояла вполне серьёзная работа: собрать голоса, договориться с представителями других округов и предложить им причины поддержать проект. Перенос столицы не был личным подвигом одного человека. Это была победа коалиции — и урок о том, что политическая воля становится результатом, когда превращается в переговоры и совместное действие.

При этом ранние позиции Линкольна нельзя описывать как полностью последовательное воплощение позднейшего образа президента, который освободил рабов. В 1837 году, когда законодательное собрание штата осудило аболиционистскую деятельность, Линкольн и депутат Дэн Стоун выразили протест против резолюции. Они назвали рабство несправедливым, но одновременно не выступали тогда за немедленное уничтожение рабства во всех штатах и не отстаивали современное представление о расовом равноправии. Его взгляды развивались в политической среде, где даже противники распространения рабства могли придерживаться расистских представлений. Это не делает протест незначительным, но не позволяет приписать молодому Линкольну взгляды, которых он ещё не сформулировал.

Упражнение для читателя. Перед важным решением составьте список не только собственных сторонников, но и тех, кому решение может быть полезно по другим причинам. Затем спросите себя: какую честную общую цель можно предложить этой группе? Переговоры начинаются не с требования единодушия, а с поиска точки, где разные интересы могут встретиться.

Один срок в Вашингтоне — и урок политической цены

В 1846 году Линкольн был избран в Палату представителей США и служил там один срок — с 1847 по 1849 год. До этого он не прошёл в Конгресс с первой попытки: в 1843 году потерпел поражение в борьбе за выдвижение кандидатом от вигов. Такие эпизоды важны не как

драматическое украшение биографии, а как напоминание: карьера не двигалась по лестнице, где каждая ступень гарантировала следующую.

В Конгрессе Линкольн выступил против политики президента-демократа Джеймса Полка во время войны с Мексикой. Он поставил под сомнение утверждение, что первые столкновения произошли на территории США, и представил так называемые «резолуции о месте» — вопросы о точке, где пролилась кровь и начались боевые действия. Для него это была попытка проверить основания войны. Но в политике содержание позиции — лишь часть дела. Избиратели могли воспринимать критику военных действий как недостаток патриотизма, особенно в период, когда страна воевала. Выступление не принесло Линкольну широкой популярности.

Он не стал автоматически переизбираться и вскоре вернулся к юридической практике. Это не был конец его политической жизни, но один срок в Конгрессе не превратился в стремительный взлёт. Линкольн узнал, что быть правым в собственном понимании — не то же самое, что убедить людей; что национальная аудитория реагирует иначе, чем знакомый круг соседей; что политическая смелость имеет цену, которую оплачивают не только аплодисментами.

Упражнение для читателя. После неудачной попытки — на выборах, переговорах или собеседовании — запишите отдельно: что вы хотели доказать; что услышала аудитория; какие факты могли поддержать вашу позицию; где вы недооценили чужие опасения. Такая запись не гарантирует успеха, но не даёт проигрышу остаться просто болезненным воспоминанием.

Что выросло из практики — и чего она не объясняет

Позднее Линкольна будут помнить по крупным речам и историческим решениям. Но способность говорить с огромной страной начиналась с небольших аудиторий: посетителей почты в Нью-Сейлеме, соседей, клиентов, свидетелей, присяжных и законодателей. Его политическое влияние не сводилось к харизме. Оно складывалось из подготовки, привычки разбивать аргументы, терпения к конкретным обстоятельствам и умения изложить сложную мысль ясными словами.

Но этой практикой нельзя объяснить всё. Ранние успехи не делали Линкольна безошибочным и не превращали его в готового президента. Он был амбициозным человеком своей эпохи, участником партийной борьбы, сторонником одних решений и противником других. Его способность учиться на поражениях не отменяла ни ограничений его взглядов, ни политических расчётов. Биография становится понятнее не тогда, когда мы заранее видим в молодом юристе великого президента, а когда замечаем, как он шаг за шагом учился делать работу, от которой зависела его репутация.

Практический урок здесь прост, но не лёгок: доверие редко возникает от одного яркого выступления. Оно накапливается, когда человек снова и снова готовится, выполняет обещанное, признаёт сложность вопроса и говорит так, чтобы его могли понять. Линкольн не получил место в политике по наследству. Он выстраивал его — в магазине, у почтового стола, на дороге к окружному суду, в зале законодательного собрания и, наконец, в Вашингтоне. А за публичной работоспособностью оставался человек, чья жизнь не исчерпывалась профессией и политической репутацией.

Семья, вера и личные утраты: человек за пределами публичного образа

В декабре 1862 года Авраам Линкольн написал Фанни Маккалоу, потерявшей отца на войне. «В этом печальном мире скорбь приходит ко всем... Вы ещё будете счастливы», — говорил он ей, стараясь не обещать невозможного: боль не исчезнет по приказу, но время может изменить её тяжесть. К тому моменту сын президента Уилли умер в Белом доме — меньше года назад. Легко решить, что Линкольн писал Фанни прежде всего о собственном горе. Но письмо не даёт нам права утверждать это. Оно говорит о сочувствии к конкретной девушке в конкретный момент. О том, что сам автор переживал рядом с этим сочувствием, мы можем лишь осторожно предполагать.

В этом и начинается трудность: чем известнее человек, тем настойчивее потомки превращают его в символ. Символу легко приписать завершённую мудрость, неизменную веру и способность выдержать всё. Человеку — труднее. У него есть семья, обязанности, раздражение, нежность и утраты, которые не укладываются в ясную историю о том, как великий лидер стал великим.

Дом, в котором росла политическая жизнь

Линкольн женился на Мэри Тодд 4 ноября 1842 года в Спрингфилде. Она происходила из обеспеченной семьи из Кентукки, получила хорошее для своего времени образование и была хорошо знакома с политической и общественной жизнью. Линкольн пришёл к браку из гораздо более скромного мира: из юридической практики, поездок по судебному округу, выступлений и долгих разговоров с избирателями. Эти различия не делают их брак готовой притчей о «двух противоположностях». Они помогают увидеть двух людей, приносивших в общую жизнь разные привычки, ожидания и представления о будущем.

Мэри не была просто спутницей политика, стоявшей за кулисами. Она умела оценивать людей, следила за политическими обстоятельствами, участвовала в общественной жизни и ожидала от мужа серьёзной карьеры. Её амбиции и настойчивость нередко обсуждали современники, порой с явной неприязнью. Но то, что в мужчине могли бы назвать политическим чутьём, в женщине часто описывали как властность или тщеславие. Источники о Мэри необходимо читать с учётом этого двойного стандарта — и не подменять сложного человека удобной карикатурой.

Семья Линкольнов жила в доме в Спрингфилде, где росли четверо сыновей: Роберт, Эдвард, Уильям и Томас, которого называли Тэдом. Домашняя жизнь не была отдельной от карьеры Авраама. Юридические поездки надолго отрывали его от семьи, а политические обязанности постепенно расширяли дистанцию между домом и публичной жизнью. Когда он стал президентом, эта дистанция исчезла в буквальном смысле: семья переехала в Белый дом, но уже не могла укрыться там от войны и внимания всей страны.

О быте президентской семьи мы знаем по письмам, воспоминаниям, газетам и поздним рассказам. Эти источники рисуют дом, где дети вносили шум и беспорядок в строгую официальную обстановку, а президент не всегда держал их на расстоянии от своего кабинета. Однако воспоминания о семейных сценах записывались позднее; они могут сохранять подлинные детали, но могут и приглаживать прошлое. Поэтому разумнее видеть не идиллическую картину «идеального отца», а семью, которая жила в необычных обстоятельствах и справлялась с ними настолько, насколько могла.

Мэри тоже приходилось жить сразу в нескольких ролях. Она была женой президента, матерью, хозяйкой Белого дома и женщиной, чьи решения обсуждали публично. Её траты и ремонт резиденции становились предметом газетной критики — иногда независимо от того,

насколько справедливы были претензии. Белый дом был не только жилищем семьи, но и государственной сценой. Однако за сценой оставались дети, усталость, заботы и невозможность защитить близких от тревоги военного времени.

Потери, которые не укладываются в красивый сюжет

Первой большой семейной утратой стала смерть Эдварда, второго сына Линкольнов. Он умер в Спрингфилде 1 февраля 1850 года, незадолго до четырёхлетия. Сохранившиеся сведения о его болезни ограничены; поздние рассказы иногда называют её туберкулёзом, но ретроспективный диагноз нельзя принимать как абсолютно достоверный. Мы знаем главное: родители потеряли маленького ребёнка. Мы не знаем в точности, как каждый из них проживал эту утрату, как она меняла их отношения день за днём и какие слова они находили друг для друга.

Иногда биографический рассказ торопится сделать из смерти поворотный пункт: будто горе непременно изменило характер человека или заранее объясняет его будущие поступки. Это соблазнительно, потому что превращает боль в понятную причину. Но причина требует доказательств. Утрата Эдварда предшествовала президентству Линкольна почти на двенадцать лет; сама по себе она не объясняет ни его политических решений, ни его позднейших речей. Она напоминает о другом: в жизни будущего президента уже была частная скорбь, задолго до того, как страна стала смотреть на него как на национального лидера.

В феврале 1862 года умер Уильям, которого в семье звали Уилли. Ему было одиннадцать. Он заболел в Белом доме и скончался от брюшного тифа. Это была личная трагедия, происшедшая внутри официальной резиденции, где война ежедневно превращалась в карты, донесения и списки погибших. Для родителей она не могла быть «одной из многих» утрат только потому, что тысячи других семей переживали своё горе. Масштаб исторической катастрофы не отменяет частной боли, как и частная боль не объясняет всю историю войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.